

Как супруги, чей союз Альфы и Омеги долгие годы скрепляла искренняя любовь, родители Е Синланя изначально лишь благословляли брак своего старшего сына с предначертанным ему истинным Альфой. Конечно, то, что Синлань поспешил жениться, не успев окончить университет, да еще забеременел и вот-вот должен был родить, с точки зрения общества казалось чистым безумием. Однако встретить истинную пару — удел немногих, редчайший дар судьбы. К тому же этот Альфа, когда связался с ними перед свадьбой, не стал скрывать своего положения. Председатель целой звездной системы... Разве можно было желать для Синланя лучшей партии?

Узнай мать Синланя об их отношениях чуть раньше, она бы непременно шепнула сыну на ушко: «Твой избранник — истинный Альфа, будь с ним вдвойне осторожен. Не надейся слепо на супрессанты, носи защитный пластырь на шее не снимая». Но что толку теперь сокрушаться? Прошлого не воротишь.

К тому же Лу Шэн клятвенно заверил их, что Синлань берет лишь академический отпуск, а не бросает учебу насовсем. Да, первый ребенок появился внезапно, но со вторым он обещал не торопиться — дать мужу хотя бы получить диплом.

Родители тяжело, сокрушенно вздохнули.

Как же все докатилось до такой катастрофы? В голове не укладывалось. Впрочем, состояние Синланя не оставляло им времени на бесплодные размышления.

— Спасайте сына, прервите беременность, — глухим от слез голосом произнес отец, глядя на врачей через разделявшую их бездну космоса. — Жизнь Синланя важнее всего.

Медики тут же выслали форму согласия.

Как только супруги поставили электронные подписи, операция возобновилась. Сгорая от тревоги, они не отрывались от экранов терминалов. Смертельно боясь за жизнь сына, они ежеминутно ждали вестей и молились, чтобы врачи не прислали очередное страшное уведомление.

Но беда не приходит одна. Спустя десять бесконечных минут пришел новый вызов из госпиталя Лолайсо. Врач сообщил, что плод извлекли, однако спасти его не удалось. Из-за бушевавшего в организме Омеги хаоса феромонов геном ребенка начал стремительно разрушаться. Малыш угас, так и не сделав первого вдоха.

Мать Синланя мертвой хваткой вцепилась в ладонь мужа.

Даже в их просвещенный век медицина оставалась бессильной перед безжалостной природой.

— А что с Синланем? — спросил отец, бережно прижимая к себе дрожащую жену.

Ради этого доктор и вышел на связь. Тяжело вздохнув, он ответил:

— У господина Е сильнейшая реакция отторжения. Чтобы стабилизировать его состояние, нам жизненно необходим большой объем феромонов его Альфы.

— Но ведь этот мерзавец под арестом! — в отчаянии воскликнула мать.

— Официальный запрос через министерство займет не меньше трех часов, — осторожно спрогнозировал врач. — Но есть и другой путь: полностью стереть метку господина Е.

Три часа...

Даже обычный гон без своего Альфы превращается для Омеги в пытку. А сейчас Синлань балансирует на грани жизни и смерти. Каждая минута, уходящая на бюрократическую возню с запросом феромонов, — это жестокий бой его измученного организма с реакцией отторжения.

Вглядываясь в бледное, изможденное лицо сына на заднем плане трансляции, родители чувствовали, как их собственные сердца разлетаются на осколки.

— Хорошо! Стирайте метку! — твердо произнес отец. — Снова нужно подписать согласие? Высылайте немедленно, мы подпишем!

Этот выбор дался им на удивление легко. Особенно для матери Е Синлania.

Будь муж сына на задании или в обычной командировке, она бы еще посомневалась. Но его арестовали!

Она слишком хорошо знала, каково это — быть Омегой, лишенным своего Альфы. Каким монстром нужно быть, чтобы обречь собственного ребенка на пожизненную зависимость от преступника? И даже если Лу Шэна оговорили и вскоре отпустят, мать ни на секунду не пожалеет о своем решении. Если у Лу Шэна осталась хоть капля совести, он сам умолял бы их сделать это ради спасения Синлania.

Услышав согласие родителей, врачи Лолайсо облегченно вздохнули. Формальности уладили за считанные минуты, и хирурги вернулись к операционному столу.

Процедура удаления метки давно была отработана до мелочей. Чем дольше Омега не контактирует со своим Альфой, тем выше шансы на успех.

И операция прошла безупречно.

Спустя полчаса на терминал супругов пришло долгожданное уведомление о благополучном завершении процедуры. Мать Синлания обессиленно покачнулась, едва не рухнув на пол.

Муж вовремя подхватил ее под руки. С трудом переводя дыхание, она прошептала:

— Мы летим в Лолайсо. — Она сглотнула подступивший к горлу ком. — Если с этим делом действительно все так грязно... мы заберем Синлания домой.

Отец молча и решительно кивнул.

В то же самое время в изоляторе полицейского управления Лолайсо царило угрюмое молчание.

Лу Шэн уже давно не проронил ни слова.

Да и говорить было не о чем. После того как полицейские извлекли чип из его глаза, в соседних камерах начали появляться слишком знакомые лица.

Под бдительным надзором столичных следователей эти люди не смели тронуть его и пальцем. Но каждый раз, ловя на себе их тяжелые, обещающие скорую расправу взгляды, Лу Шэн отчетливо понимал: лучшим исходом для него теперь станет пожизненный срок в какой-нибудь глухой тюрьме на окраине галактики. Стоит ему выйти на свободу — и бывшие покровители сотрут его в порошок в первую же секунду.

Если, конечно, у него вообще будет это «послезавтра».

Он раз заразум прокручивал в голове события последних недель, пытаясь понять, где допустил просчет. Ведь все было рассчитано безупречно! Ну и пусть данные в Регистрационной палате невозможно изменить — сами по себе они не были неопровержимой уликой. Каким образом Лу Чжао ухитрился раздобыть доказательства того, что именно он, Лу Шэн, подменил рецепт Вэнь Шухуа?

Ответа не было.

Когда начнется суд? Куда его отправят доживать свои дни?

Лу Шэн лежал на жесткой кушетке, уставившись в потолок, когда его вдруг прошила резкая, необъяснимая боль. словно оборвалась невидимая струна, связывавшая его с мирозданием. Затылок обожгло огнем, железа вскипела, содрогаясь в агонии от потери истинной пары. Лу Шэну потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, что именно произошло с его телом.

На его губах зазмеилась холодная, горькая усмешка.

«Е Синлань... Омега, которому я отдал единственную крупницу своей искренней привязанности, оказался куда расчетливее и безжалостнее всех моих политических врагов. Сколько дней прошло с момента ареста? А мой послушный мальчик уже поспешил избавиться от нашей связи».

Вспышка ярости прорвала плотину самоконтроля. Плотные, удушливые волны феромонов безумного Альфы вырвались наружу, мгновенно заполнив камеру.

Датчики безопасности сработали мгновенно. Вспыхнул красный свет, завывала сирена. Что происходило дальше, Лу Шэн уже не регистрировал.

Автоматический манипулятор вонзил ему в шею иглу с мощным транквилизатором. Короткий укол — и сознание поглотила тьма.

Каждая камера в управлении была оснащена автономной системой вентиляции, поэтому соседи и охрана не почувствовали выброса феромонов. Для внешних наблюдателей все выглядело прозаично: лицо Лу Шэна на секунду исказилось гримасой бессильной злобы, после чего он мешком повалился на пол.

Падая, он приложился лбом о край металлического стола. Глаза закрыты, а на лбу уже наливается знатная багровая шишка.

«Так тебе и надо, тварь. Жаль, насмерть не убился».

Те, кто мог видеть происходящее в его камере через бронированное стекло, провожали обмякшее тело полными ненависти и злорадства взглядами. Было очевидно: даже если Лу Шэн уцелеет во время следствия и уедет на каторгу, спокойной жизни ему не видать. Слишком много влиятельных людей жаждали его крови. Стоит ему хоть на миг остаться без охраны центральной полиции, и бывший всесильный Председатель закончит свои дни в канаве.

Е Синлань пришел в себя лишь на следующие сутки.

Едва разомкнув веки, он слабыми, дрожащими пальцами коснулся своего живота. Пусто.

Ребенка больше не было.

Осознание этого факта пронзило его резкой болью. Слезы брызнули из глаз — так стремительно и обильно, что он даже не успел их смахнуть. Спустя пару минут подушка под

его головой уже насквозь промокла.

Медицинский робот-сиделка отреагировал мгновенно: бесшумно подкатился, заменил сырую подушку на свежую, теплую, и запустил экспресс-сканирование показателей. Следом в палату вошли врачи. Век высоких технологий научил машины лечить тела, но люди по-прежнему считали, что в самые темные моменты израненной душе нужно тепло другого человека, а не холодный расчет алгоритмов.

Врачи негромко, участливо расспрашивали его о самочувствии и мягко интересовались, не нужно ли ему чего-нибудь.

О расходах на лечение можно было не беспокоиться. Статус гражданина Федерации гарантировал Синланю полный спектр базовой медицинской помощи. А в их мире слово «базовая» означало, что клиника сделает все возможное и невозможное, чтобы не просто сохранить пациенту жизнь, но и полностью восстановить его здоровье.

Синлань лежал неподвижно. Ресницы дрожали, губы беззвучно шевелились, словно он пытался, но не решался заговорить.

Заметив это, лечащий врач мягко подсел ближе, подбадривая юношу спокойным, теплым тоном. Терапевтический прием сработал быстро. Синлань шумно выдохнул и едва слышно спросил:

— Это... родители велели вам забрать ребенка?

Врачи на секунду замялись. Вот именно поэтому они никогда не проводят подобные операции без письменного согласия родственников! В их практике хватало случаев, когда пациенты на грани смерти умоляли о спасении, а придя в себя, обвиняли больницу в потере «самого дорогого».

Но на лицах медиков не отразилось ни тени этих мыслей — лишь прежнее профессиональное сочувствие.

— Да, господин Е, — мягко ответил доктор. — Копия согласия на операцию со всеми разъяснениями выслана на ваш личный терминал, вы можете ознакомиться с ней в любое время. — Он сделал паузу. — И мы уже сообщили вашим родителям, что вы пришли в себя.

Словно в подтверждение его слов, терминал на прикроватной тумбочке негромко запел, высвечивая входящий вызов от матери.

Пальцы Синланя дрогнули. Ему было невыносимо стыдно предстать перед родителями в таком жалком, разбитом состоянии. Но в то же время детская обида и детское желание спрятаться от бурь мира в теплых материнских объятиях перевесили гордость.

Он принял вызов. На экране появились лица отца и матери. Они находились не в своей привычной гостиной, а в каюте с характерным металлическим каркасом — судя по всему, на борту пассажирского лайнера.

— Папа, мама... — сипло позвал он.

— Синлань! — мать всплеснула руками, на ее глаза мгновенно навернулись слезы. — Мальчик мой, как ты? Нам лететь до Лолайсо еще целых пять дней...

— Ребенка больше нет, — тихо, отрешенно произнес он.

— Глупый наш, ты еще совсем молодой, — мягко вмешался отец. — Главное сейчас — поправить здоровье. Наберешься сил, вернешься в университет, закончишь учебу. А когда встретишь другого Альфу, которого полюбишь... мы с мамой обязательно благословим вас снова.

Синлань нахмурился, пытаясь осмыслить услышанное. Слова отца доходили до него словно сквозь слой ваты.

— Другого... Альфу?

Глядя на его растерянное лицо, родители поняли, что сын еще не осознал: связь разорвана навсегда. Да и о новых подробностях громкого дела, которые взорвали информационное пространство прошлой ночью, он, скорее всего, тоже ничего не знал.

Буквально несколько часов назад еще один выживший юноша с печально известного корабля «Юйлин-хао» нарушил молчание. Он открыто заявил на всю Сеть, что собственными глазами видел Лу Шэна среди «почетных гостей» этого плавучего борделя!

За последние два месяца шумиха вокруг клана Лу немного поутихла, но это было лишь затишьем перед бурей. Общественность ничего не забыла. И признание этого юноши плеснуло ведро бензина в тлеющие угли скандала вокруг отца и сына Лу. Сеть полыхнула с новой силой.

Нашлись умельцы, которые мгновенно связали это разоблачение с экстренной госпитализацией Е Синланя. Слухи, как водится, обросли дикими подробностями. Сетевые сплетники утверждали, будто полиция ознакомила несчастного Омегу с досье на его высокопоставленного мужа, и тот, не выдержав шока от вскрывшейся грязи, загремел в реанимацию.

Слова «выжигание метки» и «развод» лидировали в поисковых запросах. Ирония судьбы заключалась в том, что обыватели угадали истину. Если раньше, когда Лу Шэна обвиняли лишь в причастности к убийству жены, родители Синланя еще пытались сохранять благоразумие и призывали дождаться результатов следствия, то теперь их чаша терпения переполнилась. Они

полностью разделяли гнев общественности.

Разве станет молодой Омега лгать о пережитом на «Юйлин-хао» ужасе? Слова этого мальчика — чистая правда. И от такого гнилого, порочного Альфы их сыну нужно бежать без оглядки, оборвав любые контакты.

<http://bllate.org/book/18254/1951702>